

Хорошо, что в моём раннем детстве ещё не было телевизоров. Сколько стихов и поучительных историй из жизни пророков и святых мы — восемь братьев и сестёр — слушали вечерами от родителей! А в деревне летом — от бабушки — библейских и всяких святочных историй с чертями и домовыми.

*Детство вдруг припомнил сразу,
Передать лишь не берусь
Аромат восточных сказок,
Притч библейских тонкий вкус.*

*Опыт, мудрость в них народа,
Вечный бой добра со злом,
Чуткая любовь к природе,
Путнику открытый дом.*

*И урок и наставленье,
И далёких предков весть,
Чтобы не пришли в забвенье
Совесть, долг, почтенье, честь.*

*Чем не университеты?
Воспитанья мастерство!
Люди впитывали с детства
Дух народа своего...*

Детская фантазия, восприимчивость, впечатлительность создавали особый, богатый мир, который спасал наши детские души от тяжести послевоенного времени. Я родился в 1945-ом, в детстве меня родители частенько звали не по имени, а «Наша победа».

Детство — это московский дворик на крутом берегу Яузы с разбитой церквушкой-складом, с двумя бараками, сараями, вековыми вязами, с таинственными подвалами бомбоубежища. Это игры в войну с самодельными автоматами, но с настоящими прикладами и пилотками, танкистскими шлемами, с противогазными и полевыми сумками вместо школьных портфелей. Деление людей всех времён и народов на наших и фашистов. Спрашиваю у отца: «А Александр Македонский был за кого?»

*Что тянет так меня в мой старый двор?
Тот рай мой коммунальный в пепелище...
Домов высотных каменный забор
Век схоронил, а сердце что-то ищет.*

*С тем братством, с той барачной простотой
Что сделалось — никто уже не скажет.
Наивность, оказавшись сиротой,
Растоптана толпой многоэтажек...*

Старшему брату купили б/у тальянку, а играть на ней научился я. На завалинке у голубятни уставшим после смены сталеварам завода «Серп и Молот» (весь наш двор жил по заводскому гудку) пятилетний гармонист наигрывал известные: «Солнце всходит и заходит», песни из индийского кино «Бродяга» и нашу «На крыльчке твоём». Накатавшись зимой с крутого берега Яузы на ледянках, мы шли гурьбой в общагу — к батареям сушиться. Дом мой притулился в глухом углу двора и страшновато было туда поздно идти одному. Стоя у батареи, я рассказывал, а порой и сочинял ребятам сказки, вплетая туда слышанные в деревне библейские истории, за что они по очереди провожали меня домой.

*Ещё в очередях стояли разных,
И номера синели на руке.
Решил нам ЖЭК на новогодний праздник
Устроить ёлку в Красном уголке.
В вельветках, в перешитых гимнастёрках
В украшенном подвале детвора
Кружилась изумлённая у ёлки,
Вокруг на ней висящего шара.
А дома ждал нас рыбий жир аптечный —
Единственный в то время витамин —
Детей мы африканских так сердечно
Жалели и сочувствовали им.*

В школе я пошёл в драмкружок, а также в танцевальный, участвовал в концертах. Пел в хоре клуба «Серп и Молот». Учился в музыкальной школе по классу скрипки, а затем баяна. Много читал по истории, искусству, стихи советских, европейских и восточных поэтов. Понравившемуся поэту тут же сознательно подражал, осваивая его технику. Первые более или менее сносные стихи и песни стали появляться во время службы в Советской Армии.

Стихи писались и для стенгазеты, и в дембельский альбом с фотографиями. Стихи писались и, конечно же, в такой горькой ситуации, когда солдат на последнем — третьем! — году службы узнавал, что ОНА вышла замуж. Страдание формирует душу. А без души какая же поэзия!

*Бродит нашими тропинками
Тихий вечер под луной.
В сердце ты вошла дробинкою,
Вышла — пулей разрывной...*

После службы юношеское увлечение стихами не прошло. Занимался самообразованием: лингвистикой, литературоведением, историей искусств и т. д. После института посчастливилось закончить УМЛ, факультет марксистско-ленинской эстетики. Несколько лет занимался в литературном объединении. Стих технически окреп. Тогда же и появилась первая публикация в журнале «Пограничник»: стихи, посвящённые командиру взвода, сироте военных лет.

*Война ходила по сердцам,
Как горькое пророчество,
И оставляла пацанам
В наследство только... отчество.*

Потом печатался в районной газете города Каширы.

*Мест красивых много в мире,
Но один милее край —
Называется Каширой
Этот яблоневоый рай.*

Одно из стихотворений я посвятил соседу — дяде Коле Зайцеву, фронтовику. После этой публикации дядю Колю все стали пропускать без очереди — в магазине или в бане. Стихи о Кашире читаются в местном краеведческом музее экскурсоводами.

Период рождения детей со всеми радостями и хлопотами тоже не обошёлся без стихотворчества:

*Ад прошли ночей бессонных,
У кровати пост несли.
Нервов — бухта,
Стирки — тонна
На больших весах Любви.*

После тридцати, когда горячие любовные стихи и юбилейные послания друзьям были уже написаны, творчество моё стало угасать. Вымучивать фальшь к знаменательным датам не хотелось. Горькой, тяжёлой, но и творчески насыщенной командировкой оказался Афганистан:

*На войне, незначимой вовсе,
В зном одушманенных краях.
Не по-уставному, очень просто
Были с командиром мы в друзьях...*

*Я — по совместительству «секретчик».
У секретов свой — особый — вес.
В сейфе командир хранил три свечки
И пакет — для вскрытия при ЧС.*

*Были рейды, были и обстрелы.
Много стало ясно лишь теперь —*

*Друг закрыть меня готов был телом,
Выводя команду без потерь.*

*А потом признался мне, как брату,
После возвращения через год:
Должен был он в случае захвата
Первого меня пустить в расход...*

Так появилась тема, которая не могла оставить меня равнодушным. Пожалуй, впервые я почувствовал себя поэтом, когда днём мы бывали в рейде, а вечером я уже пел ребятам песню о них. Солдат-сослуживцев бодрили мои политзанятия под гитару:

*Были обстрелы, дымился дувал.
Мы и не ждали покоя.
Может, и я в сердца попадал
Изредка... меткой строкою.*

Но большая часть стихов и песен, написанных в ту пору, были не о войне, а о стране-соседке, о её людях. Я пытался понять душу, чувства, настроения, трудности афганцев, подметить, что, оказывается у нас с ними много общего.

*Афганистан — ближайший наш сосед,
Мы делим твои трудности по-братски.
Моя страна хлебнула много бед —
Нелёгко долгий путь её солдатский.*

Приходило и осознание ценностей своей страны, которые в повседневной суете мы принимаем как должное.

*Всегда казался маленьким мой дом —
Теперь он вдруг огромным стал казаться.
Всё потому, что уместились в нём
Вся Родина и мирных дней богатство!*

С основами Ислама и исламской культуры благодаря отцу и собственной любознательности я был знаком с детства и юности. После возвращения из Афганистана отец отметил, что не будь у меня соответствующего воспитания, не удалось бы мне «так вкусно» описать восточные города:

*Ночь прощается с Кабулом,
Нарождаются лучи.
С минарета звонко будит
Правоверных азанчи.
В звуках зычного азана —
Заклинанье от беды,
Боль и скорбь Востока, раны
И надежды бедноты.
Просьбы жаркие к Аллаху*

*Отпущения грехов,
Песнь о предках,
Что во прахе,
И к молитве первой зов...*

В стихах и песнях отразились переживания за горькую судьбу народа, веками раздираемого междоусобицами.

*Резня среди братьев
Напрасно идёт,
И кровушкой платит
Трудяга народ...
Город, сними темноты паранджу,
На красоту твою — дай, погляжу.
В тайных разбоях себе ты не рад,
Старый и скорбный Герат.*

И всегда было отраднo общаться с истинными интернационалистами — афганскими мальчишками, великолепно запускающими воздушных змеев.

*В небеса взмывает косо
Змей воздушный — волшебство,
Он меня с собой уносит
В небо детства моего.*

И, конечно же, вечным источником вдохновения оставалась любовь, которая у одних в разлуке крепчает, выдерживая испытания, у других угасает от ветра перемен:

*Ну, а любимая?
Сколько же сил
Нужно ей было в разлуке!
Вот кто героически медаль заслужил
«За боевые заслуги».*

А позже — и горечь переоценок, прозрений — вместе со всеми.

*А было всё: и фронтовое братство,
И слёзы жён, и письма от детей,
И похоронок стук в окошки адский,
Любовь к семье и к Родине своей.
И гордость за военные награды,
Уверенность, что исполняя долг,
Ты воевал за Истину и Правду
И сделал, без оглядки, всё, что мог.*

Афганистан дал путёвку в творчество не только мне. Искренние песни бардов и поэтов, побывавших в Афгане, остались как бы непризнанными профессионалами этого вида искусства, но находили отклик в сердцах людей, согревали душу. Были, правда, и подделки под блатной мир, но у таких песен судьба оказалось недолгой.

*Не стройте кумирни по прошлым годам,
По подвигам явным и мнимым.
Зачем бить поклоны отжившим богам —
Интимно, что свято хранимо.
Баллады тех лет жизнь слагала сама,
Лишь тексты записаны нами.
Как пули по целям, ложились сполна,
Отдав своё краткое пламя.
Из прошлого тянется прочная нить:
Мы вышли из пекла сильнее.
И память, конечно же, надо хранить,
Но боль недостойно лелеять.*

Совсем другой тон у стихов, написанных в годы перестройки: от чистых надежд на новую жизнь до горьких разочарований. К сожалению, известные поэты-глашатаи, призывавшие перестройку, замолкли именно в то время, когда их голос, сочувствующий или обличительный, был нужен народу. Даже уважаемый мною Андрей Дементьев после десятилетнего молчанья сказал, дескать, мы молчаньем наказывали власть. Власть властью, а как же народ?

*Истлевают вера и одежды...
Нету в мире терпеливей нас.
Всё б снесли, когда б не луч надежды,
Луч рассвета в предзакатный час...*

